

Къ исторіи тамбовскихъ духоборцевъ.

Утромъ 16-го апрѣля 1803 года, къ квартирѣ тамбовскаго губернатора Палицына подъѣхалъ духоборець—крестьянинъ Зоть Мукосѣевъ.

— Дома ли губернаторъ? спросилъ онъ у часоваго, солдата Князева.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома—отвѣтилъ Князевъ.

— Такъ доложите обо мнѣ губернаторшѣ, продолжалъ Мукосѣевъ,—я привезъ гостиницею.

Губернаторскій дворецкій Кузьминъ подошелъ было къ возу и хотѣлъ посмотрѣть, что тамъ за гостиницею, но Мукосѣевъ отстранилъ его, распрягъ лошадей, сѣлъ на нее верхомъ и поѣхалъ, а возъ оставилъ у губернаторскаго крыльца. Разумѣется, губернаторскіе дворовые поспѣшили раскрыть возъ и увидѣли тамъ мертвое тѣло, покрытое сине-багровыми пятнами и рубцами... То было тѣло красnodубровскаго (Тамбовскаго уѣзда) духоборца Петра Дробышова, засѣченнаго чинами земской полиціи.

Мукосѣева догнали, привели въ полицію и стали допрашивать. Вотъ что показалъ онъ на этомъ допросѣ:

„13 апрѣля крестьянинъ Ермаковъ привелъ ко мнѣ роднаго брата моего Сергѣя, а за ними шло много людей, мужчинъ и женщинъ. Брата уложилъ я на полати, а Ермаковъ объявилъ мнѣ: „твой Сергѣй боленъ отъ наказанія, сдѣланнаго ему публично съ прочими нашего села 5-ю человекaми духоборцами, а наказывалъ ихъ за вѣру засѣдатель фонъ-Меникъ“. На другой день пошелъ я провѣдывать наказанныхъ, между прочимъ зашелъ къ Петру Дробышову, а онъ ужъ былъ мертвъ. Около его тѣла сидѣлъ маленькій сынъ его, а какъ звать—не помню, и плакалъ... Тогда я взялъ мертвое тѣло Дробышова и поѣхалъ съ нимъ къ губернатору просить защиты“...

По поводу этого дѣла губернаторъ Палицынъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

„Всему семейству моему, писалъ онъ,—за небытностію моею въ домѣ причинено было крайнее смятеніе, обида и великое оскорбленіе“.

По обыкновенію стали производить послѣ всего этого слѣдствіе, во время котораго обнаружилось слѣдующее:

Фонъ Меникъ наказывалъ красnodубровцевъ, нещадно. Онъ принуждалъ духоборческихъ дѣвушекъ цѣловать его, заковывалъ красnodубровцевъ въ ножныя колоды и производилъ съ нихъ большіе поборы, такъ что однихъ кушаковъ набралъ на 30 рублей. Но не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ еще 100 рублей денегъ. „А если не дадите мнѣ 100 рублей, то я жестоко,—говорилъ фонъ-Меникъ духоборцамъ села Красно-Дубравы,—буду битъ васъ кнутомъ и сошлю въ ссылку“.

Красnodубровцы почему-то не могли выплатить фонъ-Менику 100 рублей. Тогда грозный засѣдатель Тамбовскаго нижняго земскаго суда дѣйствительно началъ нещадно сѣчь ихъ. Сѣкъ онъ ихъ за то, что они духоборцы. Сѣченіе производилось въ три плети и было на столько жестоко, что кромѣ Петра Дробышова умеръ отъ него еще отецъ его, Филиппъ Дробышовъ. Послѣдній умеръ на пятый день послѣ экзекуціи.

Къ слѣдствію вызванъ былъ и врачъ, по фамиліи Друговъ. Ему поручено было осмотрѣть трупы наказанныхъ и дать объ нихъ свое заключеніе. Это заключеніе выражено было въ слѣдующихъ словахъ: „наказаніе красnodубровскимъ духоборцамъ было дано соразмѣрное и умерли духоборцы вѣроятно отъ ядопринятія, отъ какого могли произойти и синебагровыя пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ“...

Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій Тамбовской земской полиціи было то, что красnodубровскіе духоборцы совершенно ожесточились. „Вашего чтенія и чтенія, говорили они чинамъ полиціи,—мы ни за что слушать не будемъ“.

Дѣло это кончилось тѣмъ, что многихъ красnodубровскихъ духоборцевъ еще высѣли плетью, а Зота Мукосѣева сослали на поселеніе въ Кольскій уѣздъ ¹⁾.

Сообщено И. И. Дубасовымъ.